

Лейкин Николай Александрович

Господа и слуги

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Господа и слуги: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 356 с.

ISBN 978-5-519-92975-2

Содержание. Мамка кормилица; Дедушка имянинник; Новый знакомый;
В неладах; Из Ниццы; Квартирная страда; Кухарки и горничные; Телефон
поставлен; В хорошем теле

ISBN 978-5-519-92975-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАМКА-КОРМИЛИЦА.

МАМКА-КОРМИЛИЦА.

I.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ сочельникъ. Въ богатомъ домѣ молодыхъ супруговъ Колояровыхъ рождественская елка. Елку молодые супруги Колояровы устраиваютъ еще въ первый разъ во время своей семейной жизни. У нихъ двое дѣтей: двухлѣтняя дочка Шурочка (Александра), еле держащаяся на ногахъ, и семимѣсячный сыночекъ Мурочка (Михаилъ), находящійся на рукахъ молодой и красивой мамки-кормилицы Еликаниды, статной, бѣлой, румяной блондинки, залитой въ серебро, голубой бархатъ и шелковый штофъ такъ называемаго русскаго костюма. Голубой сарафанъ опущенъ широкимъ серебрянымъ позументомъ. Такого-же цвѣта бархатный кокошникъ блещетъ серебряными блестками, широкіе кисейные рукава рубахи съ буффами и воротъ съ серебряными пуговицами-бубенчиками. Шея мамки-кормилицы украшена ниткой крупныхъ янтарей, въ ушахъ длинныя серебряныя серьги съ мелкимъ жемчугомъ. Находящійся у ней на рукахъ ея питомецъ Мурочка, съ мутными глазами и засунутымъ въ открытый ротъ кулачкомъ, весь въ бѣломъ кашемирѣ. Это не то длинная блуза, не то одѣяло съ рукавами, изъ подъ котораго торчатъ концы пеленокъ, обшитыхъ

кружевами. На безволосой ещё головѣ бѣлый кашемировый беретъ. Ребенокъ смахиваетъ немножко на обезьянку, посаженную на шарманку, но мать и отецъ находятъ его похожимъ на ангела, а двѣ бабушки, находящіяся тутъ-же, мать отца и мать матери, увѣряютъ, что онъ вылитый херувимчикъ. Не менѣе умиляются всѣ и на дѣвочку Шурочку, облеченную въ блѣднорозовый совсѣмъ фантастическій костюмъ, не поддающійся описанію. Это маленькій ворохъ тонкой шерстяной матеріи, кружевъ, прошивокъ и лентъ. Дѣвочка насмотрѣлась уже на блестящую разноцвѣтными огнями елку и, держа въ объятіяхъ большую нарядную куклу, бродитъ съ перевальцемъ по комнатѣ, несмѣло еще ступая на паркетъ ножками въ мягкихъ атласныхъ полусапожкахъ. Ее охраняютъ, слѣдя за ней, молодая бонна-фребеличка, мать и двѣ бабушки. Отецъ два раза сажалъ ее на игрушечнаго барана въ подстриженной овчинкѣ и съ золотыми рогами, стоявшаго подъ елкой, но она ежилась, гримасничала и лепетала: „пусти“.

— Совсѣмъ купидонъ! Не хватаетъ ей только крылышекъ,—бормочетъ бабушка—мать отца.

— Шурочка! Тебѣ эта кукла велика. Тебѣ тяжело ее таскать, милая,—пристаетъ къ дѣвочкѣ вторая бабушка—мать матери.—Возьми лучше маленькую спеленатую куколку, бебешку... Эта будетъ легче, а у ней также открываются и закрываются глаза...

— Не...—капризничаетъ дѣвочка, не отдавая большую куклу, и дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе плечиками.

— Хочешь зайчика съ барабаномъ? Смотри, какъ играетъ зайчикъ на барабанѣ...—подаетъ дѣвочкѣ отецъ трещащаго на барабанѣ зайчика въ шерсти.— Возьми лучше зайчика. Тебѣ тяжело съ куклой.

— Бяка...

Дѣвочка морщитъ носикъ и крѣпко прижимаетъ къ груди большую куклу.

— Я не понимаю, зачѣмъ было такія большія куклы покупать для такихъ маленькихъ дѣтей,—дѣлаетъ замѣчаніе мужу жена.—Отнять—нельзя, ребенокъ заплачетъ, а оставить—надсадиться можетъ.

— Другъ мой, да вѣдь съ тобой-же вмѣстѣ игрушки покупали,—возражаетъ супругъ.—Ты сама-же и выбрала эту куклу.

— Неправда. Я выбрала Шурочкѣ спеленатую куклу, а эту ты купилъ. Я обдумывала подарки. Шурочка, ангельчикъ, посмотри, какой у меня мальчикъ матросикъ есть,—подавала молодая мать дочкѣ еще игрушку—мальчика въ матросскомъ костюмѣ и дергала пружинку, заставляя мальчика поднимать руку къ головѣ. — Шуреночекъ, смотри, онъ тебѣ честь дѣлаетъ, ножкой шаркаетъ.

Но дѣвочка была влюблена въ большую куклу и ни на какія игрушки не обращала вниманія.

А игрушекъ подъ елкой было такъ много, что ихъ хватило-бы и для полутора десятка дѣтей: куклы, пищащія на разные лады, животныя, обклеенныя мягкими шкурками, кухня съ посудой, повозки, музыкальные инструменты.

Дабы позабавить Мурочку, отецъ билъ въ барабанъ, трубилъ въ трубу передъ Мурочкой или,

лучше сказать, передъ мамкой, такъ какъ самъ Мурочка былъ безучастенъ къ звукамъ и только таращилъ мутные глаза на свѣтъ елки. Пробовала и мамаша показывать ему большого раскрашеннаго пѣтуха изъ папки, производящаго какіе-то неестественные звуки при нажиманіи пружинки, но ребенокъ заревѣлъ и только тогда утѣшился, когда двѣ бабушки растянули у мамки рубашку на груди и онъ, припавъ къ груди, принялся сосать ее.

Для компаніи дѣтямъ Колояровымъ и вообще для оживленія праздника елки были приглашены два мальчика и одна дѣвочка, лѣтъ по шести-семи—дѣти прачки и сапожника, проживающіе съ родителями на дворѣ. Приодѣтыя въ праздничное платье, дѣти стояли, сбившись въ кучу, и робко, исподлобья смотрѣли на елку. Одинъ изъ мальчиковъ распространялъ сильный запахъ новыхъ сапогъ, а отъ льняного цвѣта косы дѣвочки съ вплетенной розовой ситцевой ленточкой отдавало испортившимся деревяннымъ масломъ.

Стараясь оживить дѣтскій праздникъ, мамаша Колоярова сѣла за рояль и крикнула приглашеннымъ мальчику и дѣвочкѣ:

— Ну, пляшите, дѣти! Позабавьте вашу хозяйку Шурочку!

Раздался вальсъ, но дѣти попрежнему стояли, прижавшись другъ къ другу, озираясь по сторонамъ. Дѣвочка, впрочемъ, вынула изъ кармана нѣсколько зернышекъ подсолнуха и принялась ихъ грызть.

— Танцуйте-же!—повторила предложеніе мамаша Шурочки и Мурочки.—Отчего вы не танцуете?

Н. А. Лейкинъ.

— Мы не умѣемъ,—застѣнчиво выговорилъ мальчикъ—сынъ прачки.

— Да тутъ и умѣнья не надо. Вертись—вотъ и все. Вы обязаны позабавить вашихъ хозяевъ. Мы для этого васъ пригласили, дадимъ вамъ потомъ по игрушкѣ, гостинцевъ.

/ Бонна-фребеличка схватила мальчика-гостя за руки и сказала ему:

— Ну, прыгай вмѣстѣ со мной, вертись!

Она потащила за собой мальчика и сдѣлала съ нимъ по комнатѣ одинъ туръ, но мальчикъ упалъ и заплакалъ.

— Ну, неповоротливый какой! Тебя пригласили на елку, такъ ты долженъ веселиться,—наставляла его бонна.

Ревъ продолжался. Онъ заразителенъ. Стала, неизвестно почему, всхлипывать и гостя-дѣвочка. Хозяйка Шурочка ушиблась большой куклой, начала колотить ее рученкой по лицу и тоже надула губки.

Музыка прекратилась.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—испуганно спрашивала молодая Колоярова бонну, бросившуюся къ Шурочкѣ.

— Ахъ, ихъ и не разберешь. Одинъ упалъ, другая куклой ушиблась.

— Да отнимите у нея эту большую куклу!—кричала бабушка, мать отца.—Развѣ можно ребенку съ пудовой куклой играть!

Большую куклу замѣнили маленькой куклой, но Шурочка бросила ее и стала плакать.

Гости подтягивали.

Господа и слуги.

— И къ чему только вы пригласили этихъ мальчишекъ и дѣвчонку?—говорила бабушка, мать матери. — Шло такъ все хорошо, и Шурочка, и Мурочка радовались, а тѣ все дѣло испортили.

— Да вотъ все Александра Ивановна. Она меня спутала:—пригласи, да пригласи для компаніи,—кивнула Колоярова на свекровь.

— Ну, ужъ она извѣстная фантазерка! Какъ возможно неизвѣстно какихъ дворовыхъ дѣтей приглашать къ своимъ дѣтямъ. Вѣдь это сумасшествіе!—продолжала мать матери. — Дѣти изъ подваловъ. Еще занесутъ, а можетъ быть ужъ и занесли какую-нибудь болѣзнь.

Молодая Колоярова мгновенно поблѣднѣла.

— Маменька, вы меня пугаете!—тревожно прошептала она.

— И надо пугаться. Повторяю: сумасшествіе! А теперь повсюду ходятъ корь, скарлатина, вѣтряная оспа, дифтеритъ.

— Господи! Что-жъ это такое! Охъ, не могу! Дайте мнѣ капель.

Молодая Колоярова схватилась за сердце и опустилась на стулъ. Бонна побѣжала за каплями. Подскочилъ Колояровъ къ женѣ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Что съ тобой, Катя?—спрашивалъ онъ.

Ему рассказали. При этомъ жена съ упрекомъ прибавила:

— И все твоя маменька, Александра Ивановна. Ахъ, мнѣ совсѣмъ нехорошо! Я вся дрожу.

— Что такое: твоя маменька?—спросила, подходя къ нимъ, бабушка Александра Ивановна.

— Конечно-же вы! — откликнулась другая бабушка—мать матери.—Съ какой стати вы вздумали приглашать на елку неизвѣстно какихъ дѣтей?

— Какихъ дѣтей?

— Да вотъ прачкиныхъ, сапожника, которыя, можетъ быть, ужъ занесли сюда изъ подваловъ тифъ, дифтеритъ, скарлатину и всякую другую дрянь.

— Да развѣ это я? — удивилась старуха Александра Ивановна.—Это Базиль,—кинула она на сына.

— И не думалъ, и не воображалъ!

Колояровъ стоялъ также весь блѣдный.

— Однако, ты мнѣ сказалъ: хорошо-бы пригласить другихъ дѣтей для Шурочки и Мурочки,—продолжала старуха, его мать.

— Да, я сказалъ, но я не имѣлъ въ предметѣ дворовыхъ дѣтей, я думалъ... Я думалъ про другихъ дѣтей.

— Мало-ли что ты думалъ! Думалъ, да ничего не сказалъ, а я и пригласила дѣтей черезъ горничную Дашу. Но по мнѣ, они дѣти чистыя, прилично одѣтыя...

— Ахъ, вы ужъ извѣстная фантазерка!—кинула упрекъ прямо въ лицо старушкѣ Александрѣ Ивановнѣ мать молодой Колояровой.

— Я фантазерка? Ну, послѣ этого вы совсѣмъ полоумная женщина!—вскричала Александра Ивановна.

И бабушки сцѣпились. Послышались слова: „богадѣльня, сумасшедшій домъ, накрашенная старуха, облѣзлая выдра“.

— Маменька, Бога ради, оставьте! Александра Ивановна, умоляю васъ, бросьте!—упрашивала бабушекъ молодая Колоярова. — Вспомните, какой завтра день!

Но бабушки не унимались.

Колояровъ стоялъ растерянный.

— Что-же намъ дѣлать, Катишь?—спрашивалъ онъ жену.

— Надо скорѣе гнать чужихъ дѣтей. Дай имъ скорѣе гостинцевъ и по игрушкѣ и гони ихъ вонъ! Ахъ, какое затменіе! Ахъ, какой туманъ на насъ нашелъ, что мы пригласили этихъ дѣтей! Вѣдь можно-же такихъ дураковъ, идіотовъ разыграть! Дойти до абсурда и дураковъ разыграть!

Молодая Колоярова хваталась за голову, нюхала спиртъ. Мужъ ея срывалъ съ елки гостинцы, совалъ приглашеннымъ на елку чужимъ дѣтямъ гостинцы вмѣстѣ съ игрушками и говорилъ:

— Только уходите скорѣе домой! Скорѣе домой! Гдѣ ваши пальто и шапки? Уходите домой.

Онъ позвонилъ лакею и велѣлъ скорѣе проводить дѣтей.

— Павелъ! Да потомъ надо здѣсь сейчасъ-же покурить укусомъ! — отдала молодая Колоярова приказъ лакею.

Дѣти-гости были спроважены. Бабушки сидѣли въ разныхъ углахъ, надувшись и звѣремъ смотря другъ на дружку.

— Я, Катенька, сейчасъ, кромѣ того, попрыскаю здѣсь скипидаромъ, — сказала бабушка, мать матери.

— Не суйтесь. Это не ваша квартира! Это квар-